

Д. В. КОНКИН

ГРАФ М. С. ВОРОНЦОВ И ВАКУФНЫЙ ВОПРОС В КРЫМУ

Масштаб личности и важность деятельности М.С. Воронцова по достоинству были оценены еще в XIX в. российскими историками, биографами, мемуаристами [см.: 1-5 и др.]. Значимость персонажа определила и высокую степень ценности, которую имеет для исследователей личная переписка М.С. Воронцова с товарищами по военной, гражданской службе, а также деловая переписка с государственными деятелями своего времени [6, кн. 36-40]. Неослабевающий интерес к незаурядному человеку, проявляемый историками в XIX – начале XX вв., несколько угас в советский период, когда усилия исследователей были направлены, главным образом, на изучение классовых противоречий и социально-экономических проблем царской России. Следуя заданному направлению, роль крупных государственных чиновников в преобразованиях российских регионов зачастую не рассматривалась советскими учеными. К примеру, в 10-томном издании Истории УССР [7], ставшим, пожалуй, классическим образцом отечественной советской исторической мысли, в т. 4, целиком посвященном истории Украины XIX в., имя Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, руководившего краем с 1823 по 1854 гг., не упомянуто ни разу. «Обезличено» руководство Новороссийским краем и в капитальном труде Е.И. Дружининой «Украина в период кризиса феодализма 1825-1861 гг.» [8]. Ситуация кардинально менялась в постсоветское время. Сначала в России [9; 10 и др.], затем и на Украине [11; 12 и др.], стали проводиться тематические конференции, посвященные как роду Воронцовых в целом, так и конкретно М.С. Воронцову и его времени. Вышло в свет несколько монографий, по-новому раскрывающих личность знаменитого генерала и администратора [13-16]. Тем не менее многие аспекты деятельности М.С. Воронцова остаются малоизученными. Среди них следует выделить проблему взаимоотношений руководителя Новороссии с мусульманским населением края, и в первую очередь, с крымскими татарами.

Исследователи, как правило, касаются данной темы поверхностно, вскользь, часто ограничиваясь общими фразами. И это при том, что крымские татары составляли в первой половине XIX в. большинство населения Крыма, являлись носителями местных традиций, а для государственной власти стали фактором особого отношения к полуострову. Современных научных исследований о политике, отношениях М.С. Воронцова с крымскими мусульманами крайне мало. Среди них следует отметить работы О.Ю. Захаровой [15, с. 217-228], Е.Е. Филатовой [17, с. 45, 49-51], большую практическую пользу и научный интерес представляет статья С.А. Андросова [77, с. 3-11], также стоит упомянуть появившиеся в последнее время публикации Д.Ю. Арапова [18, с. 105-107; 19, с. 57-62].

Целью представленной статьи является исследование роли М.С. Воронцова в решении вакуфного вопроса в Крыму в период непосредственного управления им Новороссией (с момента вступления в должность генерал-губернатора в 1823 г. и вплоть до 1844 г. – года назначения М.С. Воронцова Кавказским наместником). Для осуществления намеченной цели необходимо решить ряд задач: охарактеризовать положение, сложившееся с вакуфным землевладением в Крыму накануне назначения М.С. Воронцова Новороссийским генерал-губернатором; определить его личные представления о перспективе хозяйственного освоения Крыма в целом, и о судьбе вакуфов, в частности; проследить характер взаимоотношений генерал-губернатора с местным населением; изучить законотворчество М.С. Воронцова в отношении вакуфов в Крыму; путем сопоставления законодательных актов с архивными источниками попытаться определить степень частной заинтересованности М.С. Воронцова в решении вакуфного вопроса на полуострове.

Прославленный государственный деятель впервые появился в Крыму в 1822 г. [6, кн. 37, с. 72]. По сообщению путеводителей, М.С. Воронцов искренне восхищался открывшимися ему здесь красотами, в особенности, крымским южнобережьем. Самое яркое впечатление осталось у него от пейзажей Алупки [78, с. 2, 3]. Именно эту местность он решил выбрать в качестве своей будущей крымской резиденции. Окрестности Алупки стали одними из первых земельных приобретений графа в Крыму среди многих других [20, с. 113].

Однако еще ранее, не побывав ни разу на полуострове, М.С. Воронцов уже числился среди местных помещиков-землевладельцев. В 1820 г. по рекомендации первого министра Франции А.-Э.Д. Ришелье, досконально знавшего Новороссию, граф приобрел у директора Никитского ботанического сада Х.Х. Стевена имения Мартьян и Ай-Даниль [6, кн. 37, с. 71].

7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области [21, с. 12]. С этого момента начинается новая веха в истории края, во многом определившая всю дальнейшую его судьбу. К управлению регионом пришел зрелый

администратор со своими устоявшимися представлениями на характер экономического, политического, административного развития вверенной ему местности, умеющий отстоять свою точку зрения на самом высоком уровне.

Чрезвычайно важным назначением нового генерал-губернатора стало для Крыма, где накопилось достаточно проблем, для решения которых требовались новые подходы. Едва ли не главной из них являлась земельная. Все проекты по урегулированию земельного вопроса в Крыму, предпринимавшиеся государственной властью ранее, приводили лишь к консервации проблемы, но по существу ее не решали. Главный конфликт происходил между новыми собственниками, получившими свои участки путем покупки или же земельных раздач времен Г.А. Потемкина и П.А. Зубова и старыми хозяевами, оспаривающими правомочность новых владельцев. И первые, и вторые, как правило, являлись пострадавшими сторонами, поскольку столкновения в сфере недвижимости чаще всего возникали из-за общей неурегулированности экономических отношений в крае, отсутствия четких правил и указов в отношении крымского землевладения, мировоззренческих противоречий конфликтующих сторон. Дело в том, что на начальном этапе у имперской власти не существовало единой концепции по экономико-административному освоению полуострова, действовать приходилось, исходя из «логики ситуаций». Учитывая гетерогенный характер империи (если следовать идеям «новой имперской истории» [22, с. 218-238]), существовало несколько вариантов политики в Крыму: тотальная инкорпорация, частичная инкорпорация, автономия и др. Не один из сценариев поначалу не стал главным. Крыму невольно была уготована роль своеобразного полигона для выработки стратегий и проектов в отношении мусульманских окраин Российской империи. Целью подобных экспериментов со стороны царской администрации должно было стать решение определенной «задачи-минимума» в отношении всех мусульман империи: научиться ими управлять и контролировать [23, с. 254, 255]. Из туманности политики вытекала противоречивость государственных решений. Имперская власть, с одной стороны, гарантировала неприкосновенность традиционного уклада старожильческого населения, а с другой, активно внедряла общероссийские правила в хозяйственно-административную жизнь региона. Такая ситуация сильно тормозила дальнейшее экономическое развитие края, поскольку ни один из хозяев не чувствовал твердых гарантий своей собственности. В полной мере эти особенности отразились и на вакуфном землевладении в Крыму.

Вакуф – в мусульманском праве – акт учреждения благотворительной собственности на правах доверительного управления, в результате которого учредитель вакуфа (вакиф) навечно передавал свою бесспорную собственность (это могло быть как движимое, так и недвижимое имущество) на благочестивые раз и навсегда определенные цели [см.: 24, р. 59; 25, с. 45; 26,

с. 390, 391; 27, с. 485, 486]. По мере развития институт вакуфа претерпевал достаточно серьезные изменения. Традиционно можно выделить два главных его вида, которые распространились в мусульманском мире, включая Турцию и Крымское ханство. Это, собственно, вакуф в вышеприведенном смысле (*wakf khayri*), в российское законодательство вошедший под названием «духовный» [26, с. 391; 27, с. 488]. И *wakf ahli* – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле, доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роде посвяtitеля. Но при этом само имущество иммобилизовалось, что обеспечивало сохранение его в целостности и защиту от внешних экспансий [28, р. xiv-xv; 24, р. 59-60]. Таким образом этот второй вид вакуфа не был даже актом благотворительности, а являлся, скорее, процедурой для гарантированного соблюдения интересов собственника имущества и его наследников. В российских законах он стал называться «частным» вакуфом [26, с. 391; 27, с. 488]. В Крыму в обоих случаях имущество вакуфов было вплотную связано с духовенством и постепенно превратилось для него в основной источник материального обеспечения. Изначально согласно шариату продажа вакуфов была запрещена, однако с течением времени и распространением данного института в мусульманском мире подобная процедура стала возможной, но только при стечении определенных обстоятельств и на определенных условиях. На полуострове для этого требовалось обязательное согласование с муфтием [29, с. 65-67].

О количестве вакуфных земель в Крымском ханстве говорить сложно. Специальных исследований по этому вопросу не предпринималось. Если рассматривать другие мусульманские государства, то известно, что, например, в Алжире в 1850 г. вакуфы всех видов составляли половину земель, в Тунисе в 1883 г. – треть [79, с. 92]. В наиболее близкой к Крыму Турции вакуфы в XIX в., по оценкам исследователей, насчитывали приблизительно $\frac{3}{4}$ всех зданий и пахотных земель [80, р. 90]. Однако данная дробь весьма приближительна, поскольку «в настоящее время невозможно оценить со сколько-нибудь реальной достоверностью степень вакуфных авуаров в турецких землях» [80, р. 90].

Опираясь на подобную информацию и пользуясь аналогией, некоторые исследователи в XIX веке переносили эти сведения на Крым, утверждая, например, что частные вакуфы составляли «большинство земель Крымского полуострова» [56, с. 15], а духовные вакуфы к моменту присоединения Крыма к России насчитывали «не менее 300 тысяч десятин» [30, с. 41]. Все такие предположения также достаточно условны, поскольку не подкреплены какими-либо документами или расчетами. Характерна в этом отношении оценка количества вакуфных земель в Крымском ханстве, данная известным крымскотатарским общественно-политическим деятелем А. Озенбашлы:

«Говорят [выделено мной – К.Д.], что такие земли составляли во времена ханов несколько сот тысяч десятин» [81, с. 151]. Принципиально ничем не отличаются и оценки более поздних исследователей. Например, А. Фишер, ссылаясь на подсчеты барона И.А. фон Игельстрома, говорит о «почти 30 процентах плодородных земель на полуострове», которые попадали в категорию вакуфов [82, р. 77, 78]. Б. Вильямс причислял к ним четверть крымских земель [83, р. 116]. Таким образом при отсутствии каких-либо дополнительных источников с надлежащей степенью достоверности оценить количество вакуфных земель в Крымском ханстве сложно. Однако в любом случае с уверенностью можно говорить, что к 1783 г. значительный массив земель в Крыму находился в состоянии вакуфа.

В последующем происходит процесс стремительного сокращения их числа. Часть таких земель оказывается заброшенными в связи с массовой миграцией крымскотатарского населения. В больших количествах вакуфы становятся составляющей частных владений. Дело в том, что вакуфные земли, обычно, представляли собой небольшие участки, лоскутно разбросанные на местности и не имевшие точных границ. Именно поэтому при начале массовых пожалований и продаж крымских земель они в больших количествах оказывались внутри частных владений (т.н. «чересполосица»), хозяева которых считали их своей собственностью [31, с. 636-637]. Завещались вакуфы, как правило, в устной форме и специально не вымежевывались. Процедура завещания и определения участка, отданного в вакуф, была весьма формальна [29, с. 69-72]. Четкие границы вакуфа часто не указывались, что создавало большие проблемы для российской бюрократической машины, особенно в процессе генерального межевания полуострова. В результате всех этих особенностей возникали многочисленные судебные разбирательства между борцами за сохранение или возврат вакуфной земли со стороны крымских татар, интересы которых, в большинстве случаев, выражали представители мусульманского духовенства, и новыми владельцами земли, внутри участков которых оказывались вакуфы. В рамках действующего российского законодательства данную проблему решить было невозможно, необходимы были новые законы. Учреждавшиеся землеустроительные комиссии, вплотную занимавшиеся в том числе и вакуфным вопросом, также не внесли ясность в судьбу данного вида владений [32].

М.С. Воронцов в ходе своей деятельности, как в качестве государственного администратора, так и в роли частного хозяина, неоднократно сталкивался с вакуфными проблемами. Но прежде, чем показать результаты подобных столкновений, необходимо в самых общих чертах попытаться определить особенности личных убеждений М.С. Воронцова по рассматриваемому вопросу. В данном случае в проблеме вакуфного землевладения пересекались, как минимум, два аспекта, по которым у генерал-губернатора имелись

достаточно четко прослеживаемые позиции: 1) взгляд М.С. Воронцова на аграрное развитие региона, 2) взгляды М.С. Воронцова на отношения с мусульманским населением новоприсоединенных территорий (в первую очередь с крымскими татарами).

По первому пункту позицию М.С. Воронцова в целом можно достаточно четко сформулировать: граф являлся последовательным сторонником формирования в Новороссии помещичьего латифундизма нового типа, основанного на вольнонаемном труде и ориентированного, с учетом развития капиталистических отношений в мире, на внешние рынки [см.: 33, с. 202; 7, с. 17; 34, с. 73]. Исключением, пожалуй, был Южный берег Крыма, где протекционистская политика генерал-губернатора была направлена в большей степени на развитие дачного строительства и организацию архитектурно-ландшафтного пространства [35, с. 149].

Касательно второго пункта, необходимо отметить, что важной составляющей успешной конфессиональной политики М.С. Воронцова стало соблюдение и уважение религиозных традиций. Однако в отношении ислама зачастую это были всего лишь внешние проявления сложных внутренних комбинаций и расчетов. Во взаимоотношениях с мусульманским населением можно говорить скорее о жестком прагматизме М.С. Воронцова, чем об искреннем стремлении соблюсти гарантированные имперской властью права [18, с. 105].

Истоки подобного отношения следует искать, по-видимому, не в идеологии классического либерализма, принципы которого, по мнению Э. Райнлендера, последовательно разделял М.С. Воронцов [13, р. 8], а скорее в консервативных взглядах в духе Эдмунда Берка, присущих аристократам Старого Света конца XVIII – начала XIX вв. [36, с. 22].

Такой подход в современных условиях вполне можно назвать «ориенталистским» (по Э. Саиду [37]). Впрочем, проявлений «ориентализма» в отношении жителей Крыма со стороны царской администрации можно найти достаточное количество. К примеру, в конце 20-х гг. XIX в. в правительственных кругах развернулась дискуссия о необходимости введения среди крымских татар рекрутской повинности, которая, надо сказать, никак не вписывалась в традиционный жизненный уклад местных мусульман и от которой они были избавлены еще при Екатерине II [38, т. 21, № 15798]. М.С. Воронцов был против такого нововведения. Он считал, что целесообразнее для Крыма стало бы развитие у местных мусульман навыков и умений в сельскохозяйственной деятельности (вполне в соответствии с идеологией аристократического консерватизма об эволюционности реформ). Определенную роль в этой идее М.С. Воронцова, по-видимому, сыграли наставления отца, полученные в первые дни после назначения на должность генерал-губернатора. В письмах к сыну Семен Романович высказывал сожаление, что «бедные татары были вынуждены вследствие причиненных им обид покинуть свою

родную страну», поскольку «только они могли бы сделать ее цветущей»¹ [6, кн. 17, с. 535]. Тем не менее, исчерпав возражающие аргументы, М.С. Воронцов в итоге предложил «косвенные» приемы, позволявшие спокойно и безболезненно утвердить рекрутский набор среди крымских татар [39, с. 56-57]. Подобный прагматизм присутствовал и в отношении крымских вакуфов, причем, как на уровне законодательной инициативы генерал-губернатора, так и в его частных имущественных сделках. Когда возникала необходимость, граф шел на уступки, не забывая при этом о государственных интересах, а также, как будет показано ниже, о своих собственных. На этом фоне размышления некоторых исследователей о том, что М.С. Воронцов был решительным защитником крымских татар от российских помещиков [13, р. 89-90], или, что крымские татары были ему «особенно благодарны» за «гуманную и мудрую» политику [16, с. 200], представляются, по меньшей мере, спорными. В данном случае современные историки, по-видимому, поддались «очарованию» позитивных оценок деятельности М.С. Воронцова в межконфессиональной сфере, присутствовавшему в историографии XIX века.

Пожалуй, главной отличительной особенностью взаимоотношений М.С. Воронцова с населением управляемого края являлось его умение найти общий язык и договориться по самым разнообразным вопросам с местной национальной и религиозной элитой. В Крыму доверительные отношения у М.С. Воронцова сложились с Таврическим архиепископом Гавриилом (Розановым) [6, кн. 38, с. 483-486], муфтием Абдураимом эфенди [6, кн. 37, с. 76], старая и прочная дружба связывала графа с будущим Патриархом всех армян Нерсесом [15, с. 352-355], ответственные поручения новороссийского начальника выполнял караимский гахам С. Бабович [40, с. 89], неоднократно услуги оказывал губернатору и командир греческого батальона Ф.Д. Ревелиоти [41, с. 66]. Поразительную способность располагать к себе людей, делать их своими единомышленниками отмечали современники и последующие исследователи деятельности генерал-губернатора [6, кн. 36, с. 244, 245; 3, с. 907; 4, с. 168, 169; 1, с. 78; 15, с. 312-323]. Через личные отношения с религиозными авторитетами и знатью М.С. Воронцову удавалось неоднократно решать возникающие проблемы в необходимом ему ключе. Поэтому, например, несмотря на всю неоднозначность проводимой политики в отношении мусульманского населения Крыма, на Кавказ М.С. Воронцов прибыл, прослыв среди местных мусульман «защитником и хранителем их братьев, крымских татар» [13, р. 147].

Исходя из отмеченных особенностей, формировалась позиция М.С. Воронцова в отношении вакуфного землевладения. Учитывая специфику вакуфных земель: их раздробленность на мелкие участки, «чересполосность», – граф не должен был поощрять укрепление, а тем более распространение

¹ Перев. цит. по: [20, с. 110].

вакуфного землевладения в Крыму. Данный тезис подтверждается и общими замечаниями М.С. Воронцова на перспективу развития земельной собственности крымских татар, высказанными им в 1825 г. Он был против запрета продажи принадлежащих крымским татарам общественных земель. И аргументировал свою позицию тем обстоятельством, что подобное ограничение «преградит путь к поселению в лучшей части Крыма таким людям, которые одни могут привести страну сию в цветущее состояние, и без которых оно никогда не выйдет из настоящего грубого положения своего» [39, с. 52].

С другой стороны М.С. Воронцов должен был соблюдать и уважать традиционные права местного населения, важной составляющей которых, несомненно, являлись вакуфные земли, продажа которых была крайне затруднена. И в возникающем столкновении интересов старожильческого населения с правилами, внедряемыми российской администрацией, как раз и начинали играть первую роль способности генерал-губернатора договариваться с местной элитой и взаимоприемлемо сглаживать противоречия.

Все описанные черты характеризуют М.С. Воронцова как государственного деятеля, распоряжения которого, конечно же, находились в строгом соответствии и были неразрывно связаны с личными убеждениями. Но необходимо учитывать и то обстоятельство, что М.С. Воронцов являлся крупнейшим частным собственником земли в крае. И порой методы государственные, официальные не работали или были слишком инертны и неповоротливы для успешной реализации намеченной им задачи как частного хозяина. Поэтому для решения подобных вопросов приходилось пользоваться другими способами, соответственно, более личными, но оттого и более быстрыми и действенными. В этом случае, как правило, на передний план выходил такой дар графа, как умение договориться. Все это в полной мере можно проследить и оценить на примере решения вакуфного вопроса в Крыму.

На момент назначения М.С. Воронцова на пост Новороссийского генерал-губернатора вакуфы, как понятие, отсутствовали в российском законодательстве. Заставила имперскую власть более пристально взглянуть на вакуфные владения деятельность действовавшей в Крыму в 1816-1819 гг. следственной комиссии и, в частности, поданное в комиссию «Мнение» ее члена крымского татарина князя Кая бей Балатукова [42, л. 1-8]. Князем были высказаны предложения по дальнейшему использованию и учету крымских вакуфов, которые позволили бы оградить их от злоупотреблений, причем предложения относились как к частным, так и к духовным вакуфам. В частности К. Балатуков предлагал все вакуфные имения «привести в ясность» в соответствии с их видами, и те из них, которые потеряли свое предназначение, «обратить в казенное ведомство». Оставшиеся, точно определенные вакуфы следовало передать под надзор особых «комиссаров или надзирателей из почетного духовенства» [42, л. 3 об.]. Муфтий или же Таврическое магометанское

духовное правление (далее – ТМДП), со своей стороны, должны были обеспечить каждого из них двумя специальными шнуровыми книгами, в которые необходимо было вносить соответственно доход и расход по каждому из вакуфов и т.д.

«Мнение» К. Балатукова, как представляющее «несомненный интерес», было направлено в Санкт-Петербург, где оказалось среди документов, разбираемых «Комитетом для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих». Комитет этот был утвержден лично императором 3 декабря 1819 г. [38, т. 36, № 28014] и предназначался для рассмотрения и составления проектов, предназначенных для урегулирования проблем в крымском землевладении, а также для разбора многочисленных жалоб со стороны крымскотатарского населения на продолжающиеся нарушения в сфере распределения и использования земель. Одним из итогов деятельности Комитета, направленной на урегулирование проблем крымскотатарского землевладения, стал «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии», представленный Государственной канцелярией 8 сентября 1823 г. [15, с. 221]. Данный «Проект» в апреле 1825 г. подробно изучил М.С. Воронцов, с которым, в силу его должности, координировались все проекты указов, касавшиеся вверенного ему края [39, с. 51]. Не останавливаясь подробно на анализе документа в целом [об этом см. подробнее: 39, с. 49-54; 15, с. 221-224], отметим лишь одно обстоятельство. В «Проекте» вакуфам отводилось всего несколько строк, из которых следовало, что вакуфные земли – неприкосновенная собственность мечетей, которой распоряжалось мусульманское духовенство [39, с. 51]. Таким образом, «Мнение» К. Балатукова в «Проекте» учтено не было. Граф М.С. Воронцов, достаточно критически проанализировавший «Проект» и внесший в него ряд принципиальных замечаний, пункты по вакуфам оставил без возражений.

С учетом замечаний Новороссийского генерал-губернатора, «Проект» был 28 сентября 1827 г. утвержден императором Николаем I и вошел в российское законодательство под названием «Положение для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии» [43, т. 2, № 1417]. П.п. 33 и 34 «Положения» были посвящены вакуфным землям. Из пунктов, как и в «Проекте», следовало: 1) вакуфные земли – это земли, которые «...отданы татарами <...> в пользу мечетей и училищ», для того, чтобы извлекаемые из подобного рода имуществ доходы шли на их «поддержание»; 2) при наличии «законных документов» вакуфы признаются неприкосновенной собственностью «мечетей и училищ» и находятся под надзором ТМДП. Данные пункты «Положения» вскоре были значительно дополнены Высочайше утвержденном Мнением Госсовета «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г. [43, т. 4, № 2761]. Этот закон впервые вводил в российское законодательство понятие «частный вакуф», а также оговаривал условия легитимизации как духовных, так и частных вакуфов и регулировал их правоспособность.

Крайне важно отметить, что «Положение» вошло в IX том Свода Законов 1832, 1842 и 1857 гг. издания [44, с. 47]. Таким образом в документе фиксировалась ситуация на долгие годы. Вакуфное право также регулировалось пунктами «Положения».

М.С. Воронцов на практике столкнулся с вакуфным землевладением несколько ранее появления упомянутых законов, а именно, когда начал совершать покупки земель на полуострове.

Надо сказать, что со времени своего вступления в должность граф начинает активно приобретать южнобережные земли, особенно вокруг любимейшей ему Алупки. Продавцами выступали как российские и крымскотатарские помещики, так и татары-поселяне², проживавшие в приморских деревнях. Российские дворяне и чиновники давно заметили привлекательность южнобережных земель. Многие из них получили здесь земли бесплатно в результате дарений Г.А. Потемкина и П.А. Зубова. Особенно же преуспели в этом деле греки-военнослужащие, поселенные после 1783 г. в Балаклаве и окрестных селах для охраны прибрежной зоны. Одним из крупнейших владельцев земли в Юго-Западном Крыму стал командир греческого батальона Ф.Д. Ревелиоти, которому благодаря прекрасно выстроенным личным отношениям с местным крымскотатарским населением удавалось совершать выгодные сделки в сфере землевладения. В 20-е гг. XIX в. Ф.Д. Ревелиоти начинает энергично перепродавать южнобережные земли российской аристократии. Так, например, в январе 1822 г. он сначала покупает у местных жителей – крымских татар «<...> хлебопахотную землю примерно до 180 десятин, называемую Орьянда», а затем в октябре 1823 г. продает уже «имение Ореанда» размером около 180 дес. камергеру императорского двора графу А.Г. Кушелеву-Безбородко за 30 000 руб. ассигнациями³ [47, л. 73, 79]. Часть этого имения – Нижнюю Ореанду (размером 95 дес. 271 сажень) – сам А.Г. Кушелев-Безбородко в октябре 1825 г. по договоренности уступил императору Александру I, взамен получив угодья в районе Мухалатки, купленные для него у местных татар за 50 000 руб. ассигнациями [6, кн. 36, с. 438-442; 48, с. 11-12]. Именно у Ф.Д. Ревелиоти М.С. Воронцов приобретает в 1823 г. земельный участок в Алупке [41, с. 65]. Это было одно из первых приобретений графа в ряду многих других, оформившихся позднее в знаменитый Алупкинский майорат.

Важной особенностью приобретения земли у местных татар-поселян являлась необходимость заручаться согласием на совершение сделок всего «общества», то есть общины. Поэтому для успешного осуществления покупок

² Под данным термином в российском законодательстве [43, т. 2, № 1417 (28 сент. 1827 г.); 45, кн. I, отд. 2-е, §§ 530, 533, 535] подразумевалось сельское крымскотатарское население, которое имело личную свободу и совместно пользовалось землей, принадлежавшей всей общине.

³ В 1823 г. за 1 руб. сер. давали 380 коп. ассигнациями [46, с. 29].

требовался человек, который бы детально ориентировался в местных условиях, прекрасно знал традиции края и в то же время был знаком и внушал уважение населявшим регион жителям. Таким человеком, вне всякого сомнения, являлся Ф.Д. Ревелиоти. Именно к нему и обратился М.С. Воронцов, умевший прекрасно разбираться в людях, с просьбой быть посредником и агентом в сделках по приобретению земли у местных жителей на Южном берегу Крыма [41, с. 66]. Этими услугами для М.С. Воронцова Ф.Д. Ревелиоти занимался на протяжении 1824-1829 гг. Только в 1824-1825 гг. генерал-губернатором, вероятно не без участия Ф.Д. Ревелиоти, были приобретены земли при деревне Алупка у 85 лиц на общую сумму 58 702 руб. ассигнациями [41, с. 67]. Большое количество продавцов как раз и объясняется тем, что покупки порой приходилось совершать у целого «общества». Пример подобной сделки зафиксирован в рапорте заседателя Симферопольского Нижнего Земского суда Ягмина от 18 сентября 1824 г., в котором он отчитывается о вводе М.С. Воронцова во владение «купленным у татар недвижимым имением, состоящим <...> на южном берегу при д. Алупка» [47, л. 170-172]. Согласно рапорту, чиновник бесспорно со стороны местных жителей оформил покупку, в доказательство чего получил от них «подписку». Подписи под документом поставили более двадцати жителей Алупки, Мисхора и Симеиза [47, л. 170-172]. В сентябре следующего года в той же Алупке М.С. Воронцов купил земли у наследников коллежского регистратора Степана Кондараки [49, л. 187 об.]. Примерно в это же время граф приобрел помещичье имение в Гурзуфе у полковника И. Стемпковского. В купчей, составленной в Таврической Палате Гражданского суда 22 декабря 1824 г., значилось, что генерал-губернатор за участок величиной 279 дес. 1681 саж. «с домом и прочими угодьями» заплатил полковнику 45 000 рублей ассигнациями [49, л. 33 об.]⁴. Важным моментом при оформлении сделки между М.С. Воронцовым и И. Стемпковским стало то, что в дополнение к купчей в Симферопольском Нижнем Земском суде была оформлена еще и расписка от жителей соседних с проданным участком деревень, в том, что они к этому участку не имеют никаких имущественных претензий [49, л. 37 об.]. Такие расписки при покупке М.С. Воронцовым земли в Крыму стали оформляться постоянно, что являлось дополнительным средством защиты владельца от возможных судебных претензий.

Делая все эти приобретения, М.С. Воронцову естественным образом приходилось сталкиваться с вакуфами. Трудность состояла в том, что, как уже

⁴ Интересно, что сам полковник законно оформил получение данного участка незадолго до его продажи М.С. Воронцову – 27 июня 1824 г. Именно в этот день Симферопольский уездный суд утвердил И. Стемпковского в праве владеть землей в Гурзуфе. Досталась ему эта земля в дар от умершего к тому моменту герцога А.-Э.Д. Ришелье. Посредником же, как в оформлении дарения И. Стемпковскому, так и в дальнейшей продаже земли М.С. Воронцову выступил Ф.Д. Ревелиоти [47, л. 126; 41, с. 66].

говорилось выше, вакуфные земли, чаще всего, представляли собой небольшие участки, без четко определенных границ. На южном берегу, учитывая его специфический рельеф, вакуфы были еще более раздроблены и хаотично разбросаны по местности. Поскольку вакуфы в рассматриваемый период российскими властями считались собственностью духовенства и регулировались последним в соответствии с нормами мусульманского права, то продажа вакуфов была затруднена [32, с. 509-510]. Такое положение создавало значительные проблемы при формировании крупных имений, практически каждое из которых оказывалось по соседству с вакуфными участками. Согласно «Описи вакуфным имениям», которую составил таврический муфтий в 30-х гг. XIX в., только при д. Гурзуф владения М.С. Воронцова граничили с вакуфами в девяти урочищах [50, л. 155 об., 156, 158, 160 об., 161, 182]. Но были и такие вакуфы, которые оказались внутри владений графа. И в данном случае с местным населением приходилось искать взаимоприемлемое решение о переходе этих земель в собственность вельможи. Надо сказать, что М.С. Воронцову это блестяще удавалось, и сделки благополучно совершались. В 1824 г. при деревне Алупка в урочище Аян он покупает часть принадлежащего мечети льняного поля за 500 руб., тогда же в соседнем урочище графом приобретает часть вакуфного фруктового сада ценою в 300 руб. Эти покупки были совершены с разрешения муфтия Абдураима эфенди, а полученные деньги поступили местному хатипу Ибрагиму эфенди и в дальнейшем были отданы под проценты посторонним лицам [51, л. 143 об.]. Интересен комментарий самого М.С. Воронцова о роли Абдураима эфенди в приобретении земли в Алупке: «Муфтий, или шеф татарской религии в Крыму, прибыл туда [в Алупку – Д.К.], чтобы нанести мне визит, лично помог мне в этом деле [в продаже алупкинскими татарами части владений – Д.К.] своими советами и своим влиянием на жителей»⁵ [6, кн. 37, с. 76]. По-видимому, тогда же удалось договориться с местными татарами и о продаже садов в нижней части Алупки, с условием, что генерал-губернатор построит мечеть в центре деревни [41, с. 66]. Подобное условие, скорее всего, было поставлено в силу того, что вся или часть продаваемой земли являлась вакуфом. В «Ведомостях о проданных и обменных вакуфах» отмечена покупка М.С. Воронцовым в 1824 г. вакуфного фруктового сада в Алупке, находящегося возле моря [51, л. 143 об.]. Возможно, в данном случае речь идет об одном и том же участке.

В архивных документах зафиксировано еще как минимум три покупки вакуфных земель в районе Алупки, совершенных графом уже в 1826 г. Согласно первой сделке было выплачено 1300 руб., второй – 593 руб. и третьей – 210 руб. [52, л. 134]. Не вызывает сомнения, что и эти приобретения были совершены не в последнюю очередь благодаря теплым отношениям,

⁵ Перевод цит. по: [41, с. 66].

сложившимся между М.С. Воронцовым и Абдураимом эфенди. В «Ведомости вакуфным капиталам принадлежащим мечетям и медресе, состоящим в Ялтинском уезде» отмечено, что все три сделки были совершены «по распоряжению Духовного Правления<...>», которое, собственно, и возглавлял муфтий [52, л. 134].

Важной особенностью состоявшейся в 1826 г. продажи вакуфов М.С. Воронцову стало следующее обстоятельство: в первой сделке вырученные от продажи деньги (1300 рублей) были переданы не духовному правлению или местному духовенству, а поступили в Таврический Приказ общественного призрения для приращения процентов [52, л. 134]. Приказы общественного призрения в Российской империи были учреждены Екатериной II и занимались устройством народных школ, сиротских домов, богаделен, аптек и т.д. Приказам был разрешен прием вкладов на хранение и выдача ссуд под недвижимость и государственные процентные бумаги [54, с. 196]. В отношении вакуфных денег такое распределение средств было весьма необычно. Как правило, вакуфные капиталы поступали в распоряжение специального смотрителя – мутевелли, который согласно воле завещателя или же, если выполнить условия вакуфа было невозможно, по собственному усмотрению определял наиболее эффективные варианты использования средств [24, с. 63; 29, с. 59-63]. То обстоятельство, что деньги поступили в государственную структуру, может свидетельствовать о возникшем у М.С. Воронцова недоверии к местному мусульманскому духовенству. О злоупотреблениях духовенства в отношении вакуфов достаточно откровенно заявлял еще К. Балатуков в своем «Мнении» [55, с. 174; 42, л. 3, 3 об.; 56, с. 190]. Тогда же К. Балатуков впервые высказал мысль о необходимости изъятия функции распоряжения вакуфными капиталами из обязанностей Духовного Правления [55, с. 174]. Возможно, М.С. Воронцов, когда рецензировал «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии», мог ознакомиться и с идеями К. Балатукова в отношении вакуфов. В любом случае перевод вакуфных денег в Таврический Приказ общественного призрения не был случаен и в дальнейшем осуществлялся на постоянной основе. Проценты, которые начислял Приказ на поступившие в его распоряжение суммы, шли на исполнение воли завещателя вакуфа. Полностью же контроль государства над вакуфными капиталами был официально утвержден значительно позже.

Настоящей вехой в крымском землевладении стал указ об учреждении в 1829 г. в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии [43, т. 4, № 2617]. По замыслу правительства, межевание полуострова должно было стать той мерой, которая бы окончательно положила конец непрекращающимся земельным спорам и зафиксировала бы собственность местных хозяев в раз и навсегда определенных размерах. М.С. Воронцов с самого начала управления краем ясно

понимал необходимость решения данной задачи и поэтому еще в декабре 1823 г. поставил вопрос перед правительством о начале генерального межевания в Крыму [17, с. 49]. Дважды получив отказ Правительствующего Сената (в августе 1824 и августе 1826 гг.) [17, с. 50], тем не менее не оставил своей идеи. Именно благодаря настойчивости и усилиям М.С. Воронцова Симферопольская Межевая Контора и Комиссия 1 мая 1830 г. приступила к своей работе [43, т. 5, № 3761].

Преыдущая попытка генерального межевания земель в Крыму, предпринятая в 1798 г. еще при царствовании Павла I, закончилась неудачно. Связано это было, прежде всего, с отсутствием должной подготовки к межеванию. Тогда совершенно не были учтены специфика региона, традиции местного землеустройства и землепользования. Землемеры, до этого производившие межевание в Тамбовской губернии, не знали местных обычаев, путались в крымскотатарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков [57, с. 497-498]. На этот раз авторы указа о межевании попытались учесть ошибки предыдущих лет. Прежде всего были разработаны специальные правила, исходя из которых следовало поступать Межевой Конторе в Крыму [43, т. 4, № 2617]. В этих правилах достаточно подробно регламентировались шаги всех задействованных при межевании сторон. Учитывались интересы как новоприбывших помещиков, так и старожильческого населения Крыма. В обязанность Межевой Конторы, помимо межевания, входило еще и рассмотрение возникающих споров по землям, а также разбирательства предыдущих споров по границам имений, производившихся в уездных судах. Все решения Межевой Конторы можно было обжаловать в Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. Мнение последней являлось окончательным.

Отдельными пунктами правил (№ 34-37) оговаривались особенности межевания вакуффов. Исходя из них, вакуфы объявлялись «неприкосновенной собственностью» мечетей и мусульманских училищ и межеваться они должны «особо по отводам поверенных муфтия» [43, т. 4, № 2617]. При появлении споров по этим землям рассматривать их предназначалось Межевой Конторе. От муфтия в Контору должны были поступить описи вакуфных земель. При недостатке письменных документов, подтверждающих подлинность учреждения вакуфа, важным доказательством становились свидетельские показания местных жителей, данные под присягой. Образцы присяги, отдельно для христианского и для мусульманского населения, прилагались к указу. При межевании вакуфных участков на места со стороны духовенства должны были направляться особые «поверенные» (п. 34) [43, т. 4, № 2617].

Таким образом задача перед Межевой Конторой и Комиссией стояла сложнейшая, объемная. Но и ресурсы (финансовые и человеческие) выделялись достаточно серьезные. Для съемки местности планировалось выделить лучших землемеров Межевого Корпуса, а также привлечь отставных квартирмейстерских и инженерных офицеров. Техническая сторона межевания (обмер земли, посадка на план и т.д.) должна была осуществляться под руководством генерала и штаб-офицера Генерального Штаба. Для достойной оплаты труда чиновников Конторы и Комиссии выделялись сверх жалованья дополнительные «столовые деньги». Всего же годовой бюджет Комиссии и Конторы составил внушительную сумму в 110 300 руб. [43, т. 4, прил. I к № 3032]. Деятельность Межевой Конторы и Комиссии планировалось осуществлять в плотном сотрудничестве с генерал-губернатором М.С. Воронцовым. Возглавил Комиссию весьма опытный и заслуженный человек – сенатор Матвей Петрович Штер, в начале века уже руководивший в Крыму «Комиссией для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» [32, с. 506].

Начало работы Межевой Конторы вызвало целый всплеск жалоб и претензий местных хозяев друг к другу. Многие полузабытые судебные споры вспыхивали с новой силой, что негативно сказывалось на темпах межевания в Крыму.

Не остались в стороне от этого процесса и споры по вакуфным землям. Изучая более поздние решения судебных мест в отношении вакуфов, становится видно, что, как правило, главным аргументом в доказательной базе ответчиков по таким претензиям оказывалось бесспорно проведенное межевание. Если претензий по результатам межевания не поступало сразу, то в дальнейшем вернуть оспариваемый вакуфный участок было непросто. В большинстве случаев такие участки закреплялись за частными владельцами окончательно. Таким образом межевание в дальнейшем имело решающее значение для гарантированного сохранения данной категории земель.

Но провести успешное межевание крымских вакуфов оказалось едва ли не сложнее, чем межевать земли частных владельцев. Здесь проявились свои тонкости и проблемы, которые не встречались в обычных условиях.

Так, серьезные трудности в работу Межевой Конторы при межевании вакуфов вносило ТМДП. Духовенство традиционно затягивало этот процесс. Например, сверка составленных ТМДП описей вакуфных земель была завершена лишь в 1837 г., главным образом потому, что депутаты со стороны мусульманского духовенства прибывали на место для совместной работы с землемерами Межевой Конторы очень медленно и неохотно. Это даже вынудило М.П. Штера обращаться за содействием к Таврическому гражданскому губернатору А.И. Казначееву [58, л. 41, 94]. Кроме того, проведение межевания осложняла позиция крымскотатарского населения, которое при сверке

земель часто давало землемерам недостоверную или путаную информацию. На это обстоятельство обращал внимание еще П.-С. Паллас [59, с. 159-160] и другие российские помещики [60, с. 50-51; 61, л. 51; 32, с. 503-504]. В результате позднее появилось несколько законодательных актов, направленных на ужесточение наказаний за лжесвидетельство, а также изменений в формулировке клятвы для мусульманского населения Крыма, произносимой при свидетельских показаниях [43, т. 6, отд. II, № 4974; 43, т. 25, отд. I, № 24117].

Собственно сам процесс выявления вакуфных земель и составления их описей начался сразу после появления указа 1829 г. Однако процедура затянулась из-за общей запутанности ситуации.

Огромной проблемой стало определение точных границ вакуфных участков, находящихся внутри частных владений. Межевание таких земель требовало «особенного знания и искусства». Поэтому приступать к выполнению данной работы землемерам разрешено было только под руководством генерала или штаб-офицера Генерального Штаба [43, т. 7, № 5639].

Еще одной проблемой стали проведенные с нарушениями продажи вакуфов, осуществленные в предыдущие годы. Многие из таких сделок были совершены с участием мусульманского духовенства, включая бывшего таврического муфтия Абдураима эфенди. Об этом сообщал в феврале 1831 г. новоизбранный в 1829 г. муфтий Сеит Джемиль эфенди в донесении Главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий (далее – ДДИИ) статс-секретарю Д.Н. Блудову, где, в частности, указывал, что «значительное количество вакуфных земель или находится более 10 лет во владении разных частных лиц без всякого со стороны Магометанского Духовенства спора, <...> или бывшим Муфтием [Абдураимом эфенди – Д.К.] продано частным же людям» [62, л. 3]. В этом же донесении Сеит Джемиль эфенди предлагает вовсе не вносить такие земли в общую ведомость вакуфам (то есть узаконить неправильную продажу!) и во избежание ответственности просит разрешение на это у Главноуправляющего [62, л. 3]. Замечательна реакция на это донесение Д.Н. Блудова. В ответе чиновник обратил внимание муфтия на два обстоятельства. Во-первых, что согласно утвержденным правилам о межевании земель в Крыму давность бесспорного владения землей должна была утверждаться только в результате сверки на месте. В отношении вакуфов эта процедура должна была осуществляться с привлечением поверенных от ТМДП [62, л. 3, 3 об.]. А, во-вторых, напоминал главе мусульман Крыма (sic!), что согласно шариату духовный вакуф может быть продан только, «если по причине расстройтва не приносит обыкновенно дохода», но и в этом случае «для исполнения воли завещателя, вместо проданного имения, всегда покупается другое» [62, л. 3 об.]. Исходя из этих обстоятельств, Д.Н. Блудов предписывал муфтию составить «Особую ведомость о вакуфных землях» и предоставить ее в Межевую Контору, чтобы землемеры на месте могли оценить

ситуацию и решить «действительно ли частные люди имеют право на владение духовными вакуфскими землями по закону давности и по крепостным актам» [62, л. 4]. Кроме того, отдельно составить ведомость вакуфам, проданным бывшим муфтием, с объяснением, приобретены ли взамен другие вакуфы; если нет, то на какие цели использованы вырученные от продажи средства [там же]. Предписание Сеит Джемилю эфенди, помимо Д.Н. Блудова, подписал его заместитель Директор ДДИИ Ф.Ф. Вигель и, таким образом, в деле защиты традиционных прав местного мусульманского населения в данном случае российские чиновники проявили больше рвения, чем обязанный к этому своей должностью крымский муфтий.

Причина такой осторожности, а, скорее, даже робости со стороны муфтия в защите норм своей религии и отстаивании интересов родного народа, скорее всего, связана с его личными качествами, а также с теми людьми, в собственности которых оказалась вакуфная земля. Лояльность Сеит Джемиля эфенди к российским властям была известна достаточно давно. Так, еще в 1820 г. во время выборов на должность кадиаскера и затем, позднее, на выборах муфтия в 1829 г., российские чиновники неизменно отмечали его «хорошее поведение и особенно <...> его преданность правительству» [63, с. 108-109; 64, с. 180-181]. Вряд ли к 1831 году что-то поменялось в позиции духовного лидера. Сеит Джемиль эфенди оказался не готов вступить в противоречие с российскими помещиками из-за вакуфных земель. Тем более, что среди покупателей вакуфов значились представители известных в России фамилий, влиятельные чиновники, приближенные к императорской семье администраторы. Так, только на Южном берегу в течение 20-30-х гг. XIX в. владельцами вакуфов стали княгиня А.С. Голицына (при д. Гаспра) [65, л. 1-9; 51, л. 141], состоявший в близких отношениях как с Александром I, так и с Николаем I князь А.Н. Голицын (д. Гаспра) [66], Таврический губернатор и генерал Д.В. Нарышкин (при деревнях Гаспра и Симеиз) [51, л. 142, 144], генерал от инфантерии, инспектор южных военных кавалерийских поселений граф И.О. Витт (в урочище Ореанда) [67], граф В.П. Завадовский (ок. Мисхора) [68, с. 235], кто-то из графов Дашковых (при д. Мисхор) [51, л. 142 об.] и т.д. Крупнейшим покупателем вакуфных земель стал Ф.Д. Ревелиоти. Его владения зафиксированы в районе Алупки, Ливадии, Кикенеиза, Мухалатки [51, л. 143 об., 144, 144 об., 145, 147].

Как видно, межевание подняло много вопросов, касавшихся прав собственности крымских помещиков. Особые же затруднения возникли на южнобережье, где, как отмечалось выше, ситуация с земельным фондом была наиболее запутана, и где в земельной сфере интересы местного населения все чаще пересекались с интересами влиятельных столичных чиновников и аристократии. Южный берег Крыма к началу 30-х гг. XIX в. уже превратился, по словам поэта-современника событий, в «блистательную дачу», где вместе

существовали «...и Крезы – баловни судьбы, и бедняки – ее рабы» [68, с. 198]. Наметившиеся трудноразрешимые противоречия между теми и другими даже вынудили М.С. Воронцова в 1831 г. единоличным губернаторским решением приостановить межевание внутри участков на Южном берегу [69, л. 126].

Понятно, что М.С. Воронцова не могла не беспокоить сложившаяся здесь ситуация, поскольку у самого графа имелись обширные владения на Юге Крыма. По традиционному замыслу российского правительства, межевание должно было утвердить новых хозяев в своих владениях, но никак не подвергнуть их собственности сомнению. Это нисколько не вписывалось и в концепцию графа по скорейшему переходу земельной собственности в Крыму в руки более умелых, с его точки зрения, собственников, для интенсивного развития региона. Межевая же Контора и Комиссия, будучи подотчетными министерству юстиции, тщательно и беспристрастно фиксировали все бывшие и настоящие нарушения с оформлением земли, производили межевание очень осторожно, а потому медленно. Видимо, именно поэтому уже в 1833 г. в один и то же день (21 февраля) появляются два императорских указа, инициированных, скорее всего, М.С. Воронцовым [43, т. 8, отд. I, № 5994, 5995]. Согласно одному из них (№ 5995), с целью «ускорить межевание...» Межевая Комиссия переводилась из Симферополя в Одессу, руководство межевой частью в Таврической губернии передавалось Новороссийскому генерал-губернатору, который теперь непосредственно отвечал за «скорое и правильное размежевание земель по Таврической Губернии». Для успешного осуществления поставленной задачи в сопутствующем указе (№ 5994) крымским татарам на ЮБК разрешалась теперь продажа принадлежащей им земли без документов, при условии 10-летнего беспорочного использования этих участков (п. 1)⁶. Более того, с разрешения генерал-губернатора стала возможна и продажа «общественных земель» (т.е. земель крымскотатарской сельской общины) в Крыму (п. 5), при условии, что вырученные деньги пойдут на пользу «всего общества» (надо заметить, очень «обтекаемое» условие). В горной части и на ЮБК разрешалось совершение купчих на общих основаниях (п. 8).

Все эти изменения как нельзя лучше вписывались в проект М.С. Воронцова по скорейшему развитию региона. В преамбуле целью указа (№ 5994) было обозначено «явить владельцам поземельной собственности новое снисхождение и милость, и утвердить собственность сию на прочных основаниях», а также «преподать способы предприимчивости к усилению в Таврическом полуострове хозяйства и промышленности» [43, т. 8, отд. I]. То есть то, чего желал М.С. Воронцов – окончательно утвердить права новых хозяев, с целью их активной экономической деятельности для развития края.

⁶ В этом же году (2 августа) [43, т. 8, отд. I, № 6373] данное разрешение получили и все остальные жители ЮБК.

После публикации этого указа (№ 5994) на южнобережье и в горном Крыму переходу собственности в руки новых хозяев был дан «зеленый свет». Однако вакуфы по-прежнему необходимо было межевать «всюду и во всяком случае». Данное обстоятельство не могло не озадачить М.С. Воронцова, поскольку мелкие вакуфы мешали формированию целостных крупных земельных участков и дач. Поэтому уже в следующем году он обратился к министру юстиции Д.В. Дашкову с отношением, в котором предлагал изменить существующие правила межевания вакуфов в Крыму. В отношении М.С. Воронцов объяснял, что невымежеванных вакуфных участков остается на полуострове еще порядка 8000. Находятся они главным образом в горной части и размером «так малы, что состоят часто из полудесятины» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. Вследствие этого, для их успешного межевания необходимо 8 землемерных партий, что не целесообразно. Для устранения затруднений М.С. Воронцов предлагал следующее:

- 1) вакуфы, которые находятся не внутри дач, а составляют отдельные округа, межевать по установленным правилам;
- 2) вакуфы внутри дач, на которые при генеральном межевании не предъявлены споры, оставить без межевания;
- 3) вакуфы внутри дач, на которые предъявлены споры, межевать на основании существующих правил;
- 4) те вакуфы, которые останутся невымежеванными, поручить ТМДП обмежевать впоследствии «на общих правилах своекоштного межевания», то есть за счет спорящих сторон [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Как видно, изменения касались в первую очередь тех вакуфов, которые находились внутри владельческих дач, а значит, явно (если спор был начат), или потенциально (если спора не возникало) могли нарушить целостность частного владения. Вымежеванные вакуфы официально утверждались в фиксированных границах внутри владельческих дач. М.С. Воронцов стремился избежать возможных затруднений, поэтому в п. 2 и предлагал оставить неоспоренные вакуфы внутри дач без межевания. Такая ситуация в дальнейшем могла упростить процесс приобретения вакуфа владельцем дачи, внутри которой он находился. Ведь иначе официально утвержденный в границах вакуф приобрести было весьма непросто. Статус вакуфа, в этом случае, был законно зафиксирован. Помимо попечительства мусульманского духовенства, официально утвержденный вакуф находился также под опекой государства. Сама процедура продажи вакуфов законодательно еще не была прописана. И тем более досадна владельцу была бы такая ситуация, если учесть, что размер вакуфов был весьма невелик.

В п. 3 предложений М.С. Воронцова также был свой смысл, направленный к выгоде владельца дачи, поскольку окончательная фиксация границ спорного вакуфа прекращала все претензии, вносила определенность в размер владений, предупреждала будущие притязания.

Таким образом предложения М.С. Воронцова были логичны, но имели одновекторную направленность – максимально упростить оформление собственных прав новых владельцев на традиционный вид земельных владений мусульман Крыма. Сохранение и защита этих форм в генерал-губернаторскую концепцию развития региона на данном этапе не вписывались.

Министр юстиции направил отношение графа в Правительствующий Сенат. И в Сенате предложения М.С. Воронцова были подвергнуты сомнению. Если в пп. 1 и 4 никаких изменений внесено не было, то в отношении наиболее тенденциозных пп. 2 и 3 были сделаны следующие замечания:

к п. 2 – нельзя оставить «бесспорные вакуфы» без межевания, поскольку тогда «не исполнится цель генерального межевания»;

к п. 3 – при межевании спорных вакуфов, они могут потерять «немало земли на одни формальные межи». И такая потеря «при ценности в нагорной стороне земель будет для владельцев довольно чувствительная» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. То есть «потеряют» как раз владельцы вакуфов – мусульманское духовенство.

Следовательно, в реализации своей идеи – пренебречь межеванием мелких вакуфов ради скорейшего межевания владельческих угодий – М.С. Воронцов получил отказ. Именно вакуфы внутри дач являлись препятствием формирования целостной земельной собственности в Крыму. М.С. Воронцов, по всей видимости, рассчитывал такие вакуфы постепенно путем продаж или же судебных решений передать в руки собственников. Но все это происходило бы в нарушение мусульманских законов. В данном случае и Сенат, и Госсовет выступили на стороне интересов крымских татар. По сути, выступили в защиту их традиционных прав, которые местный генерал-губернатор хотел проигнорировать.

Вместо предложений М.С. Воронцова Сенат предписывает с вакуфами поступать по аналогии с межеванием «церковных участков, внутри империи производимого на основании указа 2 июля 1767 года (12925)» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. То есть, как случалось и прежде (в 1794 г. [см.: 31, с. 635]), предлагалось поступать с мусульманским институтом в соответствии с законами, разработанными для православной церковной собственности (!). Подготовкой оригинального закона для мусульман российские законодатели на данном этапе не озадачивались.

В соответствии с этим указом в отношении п. 2 предписывалось: «бесспорные вакуфы» «не вымежевывать особо и не сочиняя на них особых планов и межевых книг, обходить одними межниками, с постановлением <...> межевых столбов, и означать их меру и качество земли на общем владельческом плане, особо от исчисления владельческих земель». Касательно п. 3 – «спорные вакуфы» также не вымежевывать особо, «а означать на общем владельческом плане как бесспорное вакуфов владение, так и заспоренное

духовенством или владельцем место, обыкновенными межевыми знаками». После окончания спора далее следовало поступать так же, как и с п. 2. [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Эти свои предложения Сенат 16 ноября 1834 г. направил министру юстиции. В свою очередь представление министра юстиции было рассмотрено Госсоветом, который нашел предложенные меры «облегчительными для обывателей, и в исполнении, как то и по местному соображению, оказалось удобными...». Царь все утвердил 31 мая 1835 г. [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Еще одним серьезным препятствием, задерживающим успешное и быстрое межевание в Крыму, стало отсутствие у Таврического мусульманского духовенства документальных подтверждений учреждения и существования вакуфов. Таврический кадиаскер Сеит Халил Эфенди несколько позднее описываемых событий, в 1844 г., объяснял данное обстоятельство тем, что вакуфы в Крыму учреждались «издревле изустно, по обычаю между магометанами существовавшему» [70, л. 11 об.]. Действительно, в соответствии с мусульманскими законами письменные подтверждения были не обязательны [71, с. 289; 24, р. 61]. Согласно же Высочайше утвержденному мнению Госсовета «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г., завещательные акты, как на духовные, так и частные вакуфы, необходимо было возобновить или подтвердить в течение трехлетнего срока с момента публикации указа, чего по вышесказанным причинам сделано не было. Между тем, к 1835 г. Симферопольская Межевая Контора обмежевала уже 246 вакуфных участков, но из-за отсутствия подтверждающих документов со стороны духовенства Таврическая Межевая Комиссия «не осмеливалась» эти участки утвердить [43, т. 10, отд. II, № 8435]. Таким образом межевание оставалось незавершенным, и ни духовенство, ни соседние частные хозяева не могли подтвердить границы своих владений.

Подобное положение дел не устраивало М.С. Воронцова. Поэтому генерал-губернатор ходатайствовал перед Сенатом, чтобы бесспорно вымежеванные вакуфы утверждались за мусульманским духовенством, с выдачей им планов и межевых книг, даже при отсутствии завещательных актов на эти участки. Данное предложение было законодательно закреплено 30 сентября 1835 г. [43, т. 10, отд. II, № 8435].

В то же время межевание вакуфов, территория которых не была четко определена и подвергалась сомнению со стороны частных хозяев, затягивалось все по той же причине отсутствия у духовенства документальных свидетельств об учреждении вакуфов с детально прописанным описанием размера и границ участка. С момента появления мнения Госсовета от 22 марта 1829 г., где предписывалось в течение трех лет «возобновить все завещательные акты на вакуфы» (п. 4) [43, т. 4, № 2761] и до 1836 г. Таврическому муфтию удалось отыскать только один (!) документ, подтверждающий факт учреждения вакуфа [43, т. 11, отд. I, № 9245]. Поэтому М.С. Воронцов

дальнейшие усилия в этом направлении справедливо посчитал «бесполезными». Вместо этого генерал-губернатор предложил воспользоваться п. 3 указа от 22 марта 1829 г., в котором муфтию предписывалось составить специальную опись вакуфным землям под наблюдением гражданского губернатора. Данная инициатива М.С. Воронцова в конечном итоге была оформлена в виде Высочайше утвержденного мнения Госсовета от 31 мая 1836 г. «О мерах к приведению в известность вакуфных в Крыму имений» [43, т. 11, отд. I, № 9245]. В этом законе предусматривалось составить опись как духовным, так и частным вакуфам, с обязательной сверкой на месте, проводить которую должен был специальный правительственный чиновник. Та задача, осуществление которой без внимания М.С. Воронцова тянулось долгие годы, под пристальным наблюдением генерал-губернатора была выполнена практически за год. Уже к 1837 г. Таврическим муфтием были полностью составлены, а губернским стряпчим при участии Межевой Конторы сверены описи «вакуфным имениям» в Крыму. Далее описи должны были направляться в Главное Управление ДДИИ.

Делая промежуточный вывод, касающийся правового регулирования вакуфного вопроса в Крыму, необходимо отметить следующее обстоятельство. «Правила межевания», утвержденные в 1829 г. [43, т. 4, № 2617] в отношении вакуфов, были несовершенны, не учитывали многих практических нюансов. Они были логичны, конкретны, но на практике, как оказалось, невыполнимы. Столкнувшись с тем, что законы «не работают», а главное, что они задерживают утверждение частной собственности новых помещиков, а значит – тормозят хозяйственное развитие края, М.С. Воронцов принялся активно исправлять. Исправлять в том ключе, который соответствовал его представлению об этом развитии: максимально способствовать утверждению владельческих прав помещиков, в последнюю очередь заботясь о сохранении вакуфной собственности. Данная политика не нашла понимания в Госсовете (см. закон № 8202) [43, т. 10, отд. I]. Тогда М.С. Воронцов инициировал законы, которые на данный момент просто ускорили бы межевание и устраняли мелкие проблемы, серьезно задерживающие документальное оформление собственнических прав, не причиняя ущерба ничьей собственности, в том числе и вакуфной. Что ему, в общем-то, и удалось.

Насколько успешной была проделанная работа лично для генерал-губернатора, можно судить из судебных решений в отношении земельных споров, возникавших у М.С. Воронцова с крымскими татарами.

Попытки оспорить у графа приобретение вакуфных земель предпринимались неоднократно. Но, как правило, с точки зрения российского законодательства на вакуфы (создание которого, как показано выше, сам генерал-губернатор и инициировал!) покупки оформлялись очень тщательно, мусульманское духовенство, включая муфтия, относилось к таким сделкам

с участием М.С. Воронцова достаточно лояльно, поэтому недовольство со стороны крымских татар было минимальным. Например, в 1836 г. Межевой Конторой были утверждены границы гурзуфской дачи М.С. Воронцова размером 978 дес. 1835 саж., которую он купил еще до начала межевания. Внутри же этой дачи бесспорно было вымежевано 28 (sic!) вакуфных участков [72, л. 5-7 об.]. Можно лишь догадываться, как удалось достичь подобного взаимопонимания в то время, когда на Южном берегу, из-за неизбежности судебных тяжб, чересполосные вакуфные участки, находящиеся внутри частных владений, не межевались вовсе или межевались общим участком без определения границ каждого вакуфа [43, т. 10, отд. I, № 8202].

В том же 1836 г. в Симферопольский и Ялтинский окружной суд обратился губернский казенный стряпчий, который занимался в Алуштинской волости в д. Алупка сверкой вакуфов с описью, составленной ТМДП. Стряпчий сообщал, что здесь, в урочищах Меке и Зунафе, несколько участков фруктового сада, а также «дом с двором, без продажи остаются во владении графа Воронцова» и «экономия» графа не допускает местного муллу к владению этими имуществами [73, л. 4-7]. Надо заметить – это большая редкость, когда в суд для защиты вакуфа обратился таврический чиновник, в то время, когда основные инициаторы подобных дел – мусульманское духовенство и ТМДП – хранили молчание. Однако если учесть, что претензия касалась земель, находящихся в непосредственной близости от резиденции М.С. Воронцова в Крыму, которую он регулярно посещал, то вялая реакция местных жителей вполне объяснима: вряд ли кто-либо хотел портить отношения с могущественным соседом-сановником. Дело же, инициированное крымским чиновником, имело успех для местных мусульман. В 1844 г. Ялтинский уездный суд определил: так как граф М.С. Воронцов «на прописанные земли притязания не имеет, то и оставить их во владении вакуфа, о чем уведомить оное Духовное Правление...» [73, л. 8 об., 9].

Несколько иначе обстояли дела с покупками, которые граф совершил уже после начала работы в Крыму Межевой Конторы и вступления в силу указа от 24 января 1829 г., которым законодательно оформлялась процедура межевания и определения вакуфных земель. Здесь М.С. Воронцов столкнулся с приобретением собственности, которую, если несколько модернизировать терминологию, можно определить как «проблемную». Оформив сделку с одними хозяевами, обладавшими согласно документам правами полной собственности на продаваемый участок, в новоприобретенных землях позднее обнаруживались вакуфы, на которые претендовало мусульманское духовенство.

Так, в 1837 г. Таврический губернский казенных дел стряпчий Карпенков сверял описи в Перекопском уезде. Согласно описи ТМДП при д. Байгазак было выявлено несколько вакуфных участков, которые оказались в частном владении М.С. Воронцова. Местные жители подтвердили вакуфный статус

этих земель. В то же время ТМДП не смогло предоставить на вакуф каких-либо подтверждающих документов, объяснив данное обстоятельство тем, что «вакуф сей завещан издревле изустно по тогдашнему обычаю» [74, л. 27, 27 об.]. Бывшие владельцы – братья Симха и Бабакай Бабовичи, собственно, продавшие участок М.С. Воронцову, сообщали, что земля досталась им по наследству от отца, «и во владении отца и их состояла более двух десятилетних давностей» [74, л. 27]. В результате возникла судебная тяжба. ТМДП на этот раз выступило активным ее участником. Вкратце, дальнейшие перипетии дела таковы. Согласно решению Перекопского уездного суда от 31 мая 1840 г. оспариваемые вакуфные участки остались в собственности М.С. Воронцова. Однако ТМДП подало апелляцию на это решение. Апелляция в 1845 г. была рассмотрена и отклонена в Таврической Палате Гражданского суда. Тогда ТМДП подало новую апелляцию. В конечном итоге дело было рассмотрено в Правительствующем Сенате, который в 1848 г. окончательно утвердил решение Перекопского уездного суда и отказал ТМДП в дальнейших претензиях по данному вопросу [74, л. 52 об.].

Схожее судебное разбирательство в отношении частных владений М.С. Воронцова в Перекопском уезде при д. Яни Мангит возникло в 1843 г. [70]. Землю эту в количестве 1584 дес. 740 саж. М.С. Воронцов купил в 1841 г. у местного помещика Девлет Мурзы Уланова [70, л. 17]. Сведения же о том, что на этом участке есть вакуфы, поступили еще в 1837 г. в результате сверки вакуфной описи все тем же губернским стряпчим Карпенковым, то есть значительно раньше оформления покупки М.С. Воронцовым. Местные жители также подтверждали наличие вакуфа в частном владении. Однако у ТМДП и в этот раз отсутствовали документы на вакуф. Поэтому Перекопский уездный суд, как и в вышеизложенном деле, в претензии ТМДП отказал и оставил владения за М.С. Воронцовым [70, л. 139].

Аналогичным образом поступила Таврическая Палата Гражданского суда в отношении владений М.С. Воронцова при дд. Кир и Яни Кульчук (Евпаторийский уезд), приобретенных графом в 1836 г. [75, д. 1158].

Как видно, при отсутствии документальных подтверждений существования вакуфов, суды принимали решения в пользу М.С. Воронцова. Показания местных жителей не всегда принимались во внимание. В этом была определенная логика, поскольку, как говорилось выше, мнение местных жителей – крымских татар не всегда оказывались достоверными.

В целом же, внимательно проследив за процессом приобретения М.С. Воронцовым земельной собственности в Крыму, можно заметить следующую особенность. Начиная с 1822 и до конца 20-х гг. XIX в., М.С. Воронцов, в основном, сформировал свою крымскую земельную собственность. В последующем земельные приобретения носили во многом случайный характер: при благоприятной возможности покупались удобные участки, примыкающие к основным

угодьям. Со второй половины 30-х гг. XIX в. начинается активная деятельность управляющих М.С. Воронцова по законодательному утверждению приобретенных им ранее земель. На этот период приходится и все встреченные нами споры в отношении вакуфов, находящихся в пределах владений графа. Решались подобные дела, чаще всего, в его пользу и, как правило, без особых промедлений.

Подобную скорость и одновекторность судебных решений при разборе дел, касавшихся вакуфов и М.С. Воронцова, можно увязать со следующим обстоятельством. В начале 40-х годов XIX в. М.С. Воронцов заканчивал формирование своего крымского майората. Насколько дорога была графу эта часть его обширных владений, можно судить по рескрипту императора о назначении Новороссийского генерал-губернатора Кавказским наместником. В письме царь отдельным условием оговаривал ежегодную возможность для М.С. Воронцова проводить «по несколько месяцев» в любимой Алушке [76, с. I]. Естественным желанием графа было поскорее зафиксировать столь ценимые владения.

Для окончательного утверждения границ майората М.С. Воронцову, конечно, необходимо было на твердых основаниях закрепить владельческие права на эти земли. Вакуфы, в силу вышеописанных сложностей с изменением их статуса, могли затормозить этот процесс. Тем не менее, как видно, затруднений по законному оформлению купчих крепостей на вакуфные земельные участки у М.С. Воронцова не возникло. Майорат был Высочайше утвержден в 1844 г. [43, т. 19, отд. I, № 18451]. Его оформление совпадает с назначением на Кавказ и с окончанием активной законодательной и административной деятельности М.С. Воронцова в отношении вакуфов в Крыму. Более того, после этой даты, по-видимому, прекращаются и новые судебные споры по вакуфам с участием М.С. Воронцова в качестве их собственника. Во всяком случае позже указанной даты подобные споры нами не обнаружены (исключение – начавшийся в 1837 г. и тянувшийся до 1848 г. судебный процесс по бывшим владениям Бабовичей в Перекопском уезде). Такое затишье вовсе не означает, что вакуфный вопрос в Крыму был удачно решен. Созданные во второй половине XIX в. в Симферополе специализированные вакуфные комиссии открыли картину непрекращавшегося размывания вакуфной собственности. По-видимому, М.С. Воронцов после оформления майората утратил интерес к проблеме, переключился на решение иных задач. Не сталкиваясь более с вакуфами на уровне частном, соответственно, останавливается процесс регулирования вакуфного вопроса на уровне государственном.

Следовательно, частный интерес М.С. Воронцова в скорейшем урегулировании вакуфного вопроса несомненно присутствовал. Изначально все предпринятые усилия имели для него практическое значение. Являясь крупнейшим крымским землевладельцем, М.С. Воронцов как никто другой был заинтересован в урегулировании вакуфного вопроса, заинтересован в раз-

решении имущественных споров в позитивном ключе, прежде всего для новоприбывших помещиков, каким являлся сам. Законодательная инициатива по вакуфному вопросу, с которой граф столь активно и настойчиво выступал в 30-е гг. XIX в., по-видимому, напрямую была связана с возникающими у М.С. Воронцова, как частного хозяина, затруднениями при оформлении и определении границ, утверждении собственных прав на свои владения. Личный практический опыт участия в земельных спорах объясняет поразительную осведомленность графа в сути проблемы, позволившую ему с максимальной рациональностью подойти к ее устранению. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что прецедентное право, в русле которого развивалось на данном этапе российское законодательство, в нашем случае во многом основывалось на «прецедентах», связанных с частным опытом генерал-губернатора в своих владениях в Крыму.

В процессе воплощения идеи генерал-губернатора о развитии края, порой пострадавшей стороной оказывалось местное население и местные традиции. В варианте, рассмотренном в статье – это крымские татары и вакуфное землевладение. Но в том, что границы вакуффов оказались размыты, что отсутствовали подтверждающие документы на них, а часть из вакуффов была продана – несомненное упущение и мусульманского духовенства. Именно ему российское правительство предоставило функции контроля над вакуфной собственностью в Крыму. Однако в изменившихся условиях (считая с 1783 г. – этим условиям более 40 лет!) мусульманское духовенство проявило несостоятельность, неповоротливость, неготовность в защите прав единоверцев, тем более, что права эти Российское государство отчасти готово было соблюсти.

Таким образом частнохозяйственная деятельность М.С. Воронцова в Крыму осуществлялась в рамках его концепции развития региона и напрямую была связана с процессом формирования и оформления собственного майората. Что было первично – частный интерес или концептуальный взгляд на развитие хозяйства в целом – сложно сказать. Все было взаимосвязано. По-видимому, не стоит выискивать первопричину. М.С. Воронцов был целостной натурой. Его взгляды как государственного деятеля неразделимы с действиями и взглядами частного хозяина. На личном примере он лучше понимал проблему, стоящую на пути реализации его планов по преобразованию края в целом. И решал эту, с его точки зрения, проблему не только для себя одного, но путем законодательной инициативы, лоббирования законов, помогал бороться с ней и другим хозяевам, имеющим те же затруднения. И в этом контексте можно согласиться с мнением, что для М.С. Воронцова «не было противоречия между увеличением его собственного богатства и экономическим улучшением для жителей южной России» [36, с. 21]. Остается лишь сожалеть, что вакуфное землевладение не вошло в планы генерал-губернатора по экономическому преобразованию Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Мурзакевич Н.Н. Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Одесса, 1860.
2. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853. Ч. II.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2-х кн. М., 2003. Кн. 2.
4. Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.
5. Яковлев В.А. Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса, 1894.
6. Архив князя Воронцова. Кн. 1-40. М., 1870-1895.
7. История Украинской ССР: В 10-ти тт. Т. 4. Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.). К., 1983.
8. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1861 гг. М., 1981.
9. Воронцовы – два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир, 1992.
10. Воронцовы – два века в истории России. Вып. 2. Материалы Пятых Воронцовских чтений. Петушки, 1996.
11. Мир усадебной культуры. Материалы I Международных научных чтений (22-24 мая 2000 г., Алупка). Симферополь, 2001.
12. Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
13. Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the tsar. Montreal, 1990.
14. Удовик В.А., Казык В.О. Светлейший князь М.С. Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000.
15. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.
16. Удовик В.А. Воронцов. М., 2004.
17. Филатова Е.Е. Управленческая деятельность М.С. Воронцова в период с 1797 по 1848 г. // Воронцовы и русское дворянство. IX Крымские Международные Воронцовские научные чтения. Сб. докладов. Ч. I. Симферополь, 2007.
18. Арапов Д.Ю. М.С. Воронцов и мусульмане Крыма // Сборник Русского исторического общества. Т. 7(155). Россия и мусульманский мир. М., 2003.
19. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов / Сост. и вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М., 2006.
20. Микешин М.И. Воронцовы и Крым // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 2. Материалы Пятых Воронцовских чтений. Петушки, 1996.
21. Македонский А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII-XIX вв.). Изд-е 3-е, испр. и доп. Запорожье, 2008.
22. Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она ведет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* И. Герасимовым и М. Могильнер // *Логос*, философско-литературный журнал. 2007. № 1(58).
23. Арапов Д. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721-1917 гг.) // *Ab Imperio*. 2008. № 4.
24. Peters R. [Wakf] In *Classical Islamic law / Wakf // The Encyclopaedia of Islam*. Vol. XI. Leiden, 2002.
25. Большаков О.Г. Вакуф // *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991.
26. Яновский А.Е. Вакуф // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона*. Т. V. СПб., 1891.
27. Вормс А. Вакуфы // *Энциклопедический словарь Гранат*. Т. VII. М., 1912.
28. Hennigan P.C. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A.H. *Hanafi legal discourse / Studies in Islamic law and society*. V. 18. Leiden; Boston, 2004.

29. Конкин Д.В. Некоторые особенности вакуфных владений в Крыму (по материалам ГААРК) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Материалы научной конференции. Новый Свет, 2008.
30. Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму (окончание) // Вестник Таврического земства. 1907. № 7-8.
31. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783-1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
32. Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796-1810 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
33. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1970.
34. Шандра В.С. Новоросійський і бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов (1823-1854) // Український історичний журнал. 2002. № 1(442).
35. Кириченко Е.И. Организация архитектурного пространства Крыма в годы правления генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова // Мир усадебной культуры. Материалы I Международных научных чтений (22-24 мая 2000 г., Алушка). Симферополь, 2001.
36. Бредбиер П.В. Мнение западного историка о строителе Российской империи: биография князя М.С. Воронцова, написанная профессором Райнлендером // Воронцовы и русское дворянство. X Крымские Международные Воронцовские научные чтения: Сб. докладов. Симферополь, 2008.
37. Саид Э. Ориентализм. СПб., 2005.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
39. Авалиани С.Л. Гр. М.С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. 1915. Т. XXXII.
40. Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997.
41. Пальчикова А.П. Из истории Алушкинского майората Воронцовых // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
42. ГААРК, ф. 23, оп. 1, д. 286.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830-1881.
44. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.
45. Свод законов Российской империи. Законы о Состояниях. СПб., 1833.
46. Семенкова Т.Г., Семенов А.В. Денежные реформы в России в XIX в. СПб., 1992.
47. ГААРК, ф. 8, оп. 1, д. 14.
48. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2005.
49. ГААРК, ф. 8, оп. 1, д. 13.
50. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 598.
51. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 300.
52. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 22.
53. Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51.
54. [А.Бр.] Приказы общественного призрения // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXV. 1898.
55. Конкин Д.В. Вакуфный вопрос в деятельности «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816-1819 гг.) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения. Сборник научных статей. Симферополь, 2009.
56. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.
57. Конкин Д.В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

58. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 66.
59. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М., 1999.
60. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1897. №26.
61. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 306.
62. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 159.
63. Хайрединова З.З. Возникновение и развитие Таврического магометанского духовного правления (конец XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Симферополь, 2003.
64. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.Б., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З.]. Симферополь, 2009.
65. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 178.
66. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 196.
67. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 134.
68. Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах. М., 1837.
69. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 61.
70. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 1093.
71. Мухин В.Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898.
72. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 204.
73. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 334.
74. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 828.
75. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 1158.
76. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского. Т. X / Под ред. Ад. Берже. Тифлис, 1885.
77. Андросов С.А. Документы Государственного архива Автономной Республики Крым о жизни и деятельности М.С. Воронцова // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
78. Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму. Разд. 19. М., 1875.
79. Шарль Р. Мусульманское право. М., 1959.
80. Deguilhem R. [Wakf] In the Ottoman empire to 1914 / Wakf // The Encyclopaedia of Islam. Vol. XI. Leiden, 2002.
81. Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / Пер. К. Усеинова. Симферополь, 2007.
82. Fisher A.W. The Crimean Tatars. Stanford, 1987.
83. Williams B.G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden, Boston, Köln, 2001.

Конкин Д.В.

Граф М.С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму

Резюме

В статье рассмотрена деятельность Новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова в отношении вакуфного землевладения в Крыму. М.С. Воронцов являлся сторонником организации крупных помещичьих хозяйств в подчиненном ему крае. Небольшие по размеру, хаотично расположенные на местности вакуфные участки мешали формированию крупных целостных помещичьих угодий в Крыму. М.С. Воронцов сам был крупнейшим крымским землевладельцем. Поэтому у него присутствовал частный интерес в скорейшем решении вакуфного вопроса. Он был заинтересован в урегулировании имущественных споров на полуострове в позитивном ключе, в первую очередь для новоприбывших помещиков, каким являлся сам. Законодательная инициатива по вакуфному вопросу, с которой граф столь активно и настойчиво выступал в 30-е гг. XIX в. напрямую была связана с возникающими затруднениями у него как частного хозяина при оформлении и определении границ, утверждении собственных прав на свои владения. Итогом такой деятельности стало успешное утверждение границ и законодательное оформление крымского майората М.С. Воронцова в 1844 г. После этой даты граф теряет интерес к вакуфной проблеме, которая так и не была решена. Таким образом размывание вакуфной собственности в Крыму продолжалось.

Конкін Д.В.

Граф М.С. Воронцов і вакуфне питання в Криму

Резюме

У статті розглянута діяльність Новоросійського генерал-губернатора графа М.С. Воронцова відносно вакуфного землеволодіння в Криму. М.С. Воронцов був прибічником організації крупних поміщицьких господарств в підлеглому йому краю. Невеликі за розміром, хаотично розташовані на місцевості вакуфні ділянки заважали формуванню крупних цілісних поміщицьких угідь в Криму. М.С. Воронцов сам був найбільшим кримським землевласником. Тому в нього був присутній приватний інтерес в швидкому рішенні вакуфного питання. Він був зацікавлений у врегулюванні майнових суперечок на півострові в позитивному ключі, в першу чергу для новоприбулих поміщиків, яким був сам. Законодавча ініціатива з вакуфного питання, з якою граф настільки активно і наполегливо виступав в 30-ті рр. XIX ст., безпосередньо була пов'язана з виникаючою скрутою у нього як приватного господаря при оформленні і визначенні меж, затвердженні власницьких прав на свої володіння. Підсумком такої діяльності стало успішне затвердження меж і законодавче оформлення кримського майорату М.С. Воронцова в 1844 р. Після цієї дати граф втрачає інтерес до вакуфної проблеми, яка так і не була вирішена. Таким чином розмивання вакуфної власності в Криму продовжувалося.

Konkin D. V.

Count M.S. Vorontzov and Vakuf Problem in Crimea

Summary

The activities of Count M.S. Vorontzov, Novorossiysk general governor, concerning vakuf landowning in Crimea has been considered in this article. M.S. Vorontzov was an adherent of organization of large landowner properties in the region subordinate to him. Small in size, situated chaotically on the territory vakuf areas prevented from forming large integral land properties in Crimea. M.S. Vorontzov himself was one of the greatest landowners; that is why he had his own private interest in the settlement of vakuf problem. He was interested in sorting out property disputes on the territory of the peninsula in a positive way; in the first place for landowners – newcomers, he himself was such a newcomer. Legislative initiative on vakuf problem, with which the count was so active in putting it forward in the 30s of the 19th century, was directly connected with emerging impediments, which he as a private owner got in the process of drawing up and determining the boundaries, establishing the rights of a property owner for his possessions. The result of this activity was successful establishment of borders and legislative regulation of Crimean entail of M.S. Vorontzov in 1844. After this date the count lost any interest to vakuf problem which was not solved. Thus, vakuf property in Crimea was still in confusion.